

ПАСХАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ О ДЕРЕВНЕ

© 2011 Т.Н.Козина¹, Н.Г.Юрчёнкова²

¹Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г.Белинского

²Средневожский филиал РПА Минюста России

Статья поступила в редакцию 15.04.2011

В статье исследуются проявления пасхального архетипа в современных прозаических произведениях о жизни села. Анализ текстов показывает, что несмотря на переживаемые трудности, жизнь в российской глубинке продолжается. Она одухотворена многовековой историей и культурой русского народа.

Ключевые слова: пасхальный архетип, прозаическое произведение, русская деревня.

Русский менталитет сформировался под воздействием различных факторов и исторических условий. Принятие в 988 году христианства стало одним из величайших событий в истории Руси. В течение веков православная религия создала русский характер. Влияние церкви обнаруживается во всём: в создании сильной державы, в творческом духе народа, в русской культуре. У православных верующих сформировалось такое свойство, которое называют «коллективным бессознательным». «Это понятие означает совокупность психических явлений, образов, традиционных воззрений и представлений, норм поведения, морально-нравственных установок и т. п., которые формируются у членов той или иной национальной общности в течение её исторического развития»¹. В православии главным праздником является Пасха. Влияние этой доминанты проявилось в пасхальном архетипе русской литературы. В понимании архетипов, открытых К.Г.Юнгом, мы основываемся на утверждении И.А.Есаулова, что это «тип мышления, порождающий целый шлейф культурных последствий, вплоть до тех или иных стереотипов поведения. Эти типы мышления, в основе которых именно культурное бессознательное, не являются... исключительной принадлежностью индивидуального сознания, но формируются в недрах глубинных сакральных структур»². В России с течением времени сложилась крестьянская община, жившая по своей нравственной

правде, сверяемой с учением Иисуса Христа. Под влиянием христоцентризма сформировалась и русская классическая литература. Стремясь объективно отобразить действительность, писатели (иногда неосознанно) проецируют жизнь вымышленных героев на идеальную жизнь Нового Завета. Изображая несовершенство своих персонажей, прозаики пытаются вызвать у читателей сострадание к ним и тем самым облагородить самих респондентов. Возникнув в древнерусской словесности, пасхальный архетип пронизывает классическую литературу XIX века, затухая под воздействием социальных катаклизмов в XX веке и вновь возрождается в современной прозе.

События рассказа «Фетисыч» (1996) Б.П.Екимова охватывают период 1990-х годов. Это одно из его лучших произведений, где ярко проявился талант бытописателя. Название рассказа — отчество главного героя — девятилетнего Якова. Окружающие называют мальчика по отчеству, отдавая дань уважения его серьёзному подходу к любому делу. Яков учится в третьем классе. В школе пять учеников: село умирает. Описывая дорогу детей в школу, автор показывает страшную картину разорения и запустения русской деревни. Развалился колхоз, по инерции еще работает ферма, но крестьяне поняли, что прошлую жизнь не вернешь. Каждый выживает как может: растащили по кирпичику, по доске колхозные постройки, магазин, медпункт. «Клуб еще год назад стоял на запоре. Нынче — все раскрыто. Сцену разобрали, выдрали полы. Дед Архип ободрал дерматин с кресел и шил из него чиррики. Красный цвет, он приметный. Полхутора в этих чирриках щеголяли»³. Школа пока живет своей обычной жизнью. Ежедневно проводятся уроки. Самый старший ученик — Яков, он — помощник учителя, иногда ему доводилось проводить уроки, проверять тетради.

¹ Козина Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания в начальных классах. E-mail: T.N.Coзина@yandex.ru

Юрчёнкова Нина Георгиевна, доктор философских наук, зав. кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин. E-mail: nina-saransk@mail.ru

¹ Вьюнов Ю.А. Русский культурный архетип: страноведение России. — М.: 2005. — С.100.

² Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. — М.: 2004. — С.12 — 13.

³ Екимов Б.П. Фетисыч // Новый мир. — 1996. — № 2. — С.6.

Ребята слушают его беспрекословно, поэтому именно Фетисыч временно стал заменять умершую учительницу Марию Петровну по просьбе бригадира. По собственной инициативе Яков идет в большой хутор Алешкин, чтобы директор школы нашла им учительницу. Ожидая прихода Галины Федоровны, Фетисыч помог ее матери по хозяйству, не страшась никакой работы. Муж директора школы после разговора с пареньком предложил ему поселиться у них, чтобы тот смог учиться в Алешкинской школе. «У Якова сердчишко колыхнулось от неожиданной радости... учиться в настоящей школе со спортзалом, где и зимой в футбол играют. А уж народу там...»⁴. По контрасту вспомнилась своя старенькая школа: «пустой дряхлый дом со ржавую крышею, один – разьединный класс»⁵. Домой Яков «словно на крыльях летел»⁶. Чувство ответственности заставило его довести уроки в этот день до конца, проверить тетради, поругать нерадивых Капустиных, забывших заполнить настенный календарь природы. А когда в школу зашел бригадир и предложил детям заниматься в доме Большелуковых, Яков нашёл доводы для сохранения школы:

— А библиотека? — бледнея от волнения показал он на шкафы с книгами. — А наглядные пособия? А уроки физкультуры? Комиссия какая приедет, и будем не числиться. А беженцы, какие места ищут? Подъехали. Есть школа? Вот она, — убеждал он бригадира. — Значит, можно жить. А увидят замок — и развернутся⁷.

Взрослый согласился с доводами ребенка. Ночью Яков видел добрый сон о хуторе Алешкин, а проснулся в испуге от того, что представил, как бывшие колхозники будут разорять школу, «так растаскивали клуб, детский садик, медпункт... Без него все пойдет прахом... Лишь он знает, как тетради проверять, ставить отметки»⁸. От пришедшего понимания того, что он не может покинуть родную школу, предать оставшихся ребяташек, стойкий Фетисыч заплакал. Девятилетний мальчик взял на себя ответственность за сохранение школы, за образование своих учеников. Это редкое в ребенке чувство долга еще более усиливает контраст между его поведением и поведением взрослых, которые бездумно разорили хозяйство, создаваемое другими людьми на протяжении нескольких десятилетий. Яков водит своих учеников в школу, строго учит их, требуя, чтобы они не отступали от школьных правил и норм. Мальчик инстинктивно чув-

ствует, что разрушение установленного порядка ведет к умиранию школы. Он берет на себя ответственность за сохранение этого маленького участка жизни в то ли умершем, то ли заснувшем селе. Не случайно бригадир, придя в школу и «глядя на ребяташек, на кипенно-белые банты в косичках крохотной Маринки Башелуковой, ... как-то оттаивал, теплело на сердце»⁹. В эту ночь, когда Фетисыч принял такое важное для него решение, началась зима. «Заря вставала уже зимняя, розовая. Хутор лежал вовсе тихий, в снегу, как в плену. Несмелые печные дымы поднимались к небу. Один, другой... За ними — третий. Хутор был живой. Он лежал одиноко на белом просторе земли, среди полей и полей»¹⁰. Зимний пейзаж вызывает ассоциацию с Рождеством. Те же торжественность, покой, заря как обещание яркого солнечного дня.

Но весь образный строй рассказа говорит о пасхальной доминанте: смерть — воскресение. Уничтожение клуба, детского сада, магазина, медпункта привело к смерти хутора; оставшиеся жители, подобно отчиму Фетисыча, пьют, не способны ни к какой работе. Постоянное состояние опьянения — духовная смерть. Картину всеобщего умирания завершила смерть учительницы Марии Петровны. Именно этот эпизод становится завязкой пасхальной парадигмы. Метонимия «хутор был живой»¹¹ создает цельный художественный образ. Закрывающий рассказ пейзаж рисует картину воскресения умершего села. Заря в художественной литературе является символом возрождающейся жизни. Мотив пробуждения дополняется мотивом соборности: «Несмелые печные дымы поднимались к небу. Один, другой... За ними — третий» и говорит о торжестве Воскресения. Пейзаж в конце рассказа «Фетисыч», наполненный отчетливым пасхальным смыслом, опирается на православную духовную традицию. Просыпается деревня — просыпается сама Россия. Дым из труб — устремленность к небу.

Если в рассказе «Фетисыч» Б.П.Екимова пасхальный архетип проявлен скорее как соборная надежда на Воскресение, то в повести И.Л.Мамаевой «Ленкина свадьба» (2003) он управляет движением сюжета. События произведения молодого прозаика охватывают тот же период жизни России, что и текст Б.П.Екимова — начало 1990-х годов. Место действия в обоих произведениях — село. У И.Л.Мамаевой — это российская глубинка — деревня Куйтежи в Карелии. Б.П.Екимов с болью и горечью рассказывает о разорении русской деревни, обнищании её жителей, пьянстве и воровстве. На первый

⁴ Екимов Б.П. Фетисыч // Новый мир. — 1996. — № 2. — С.12.

⁵ Там же. — С.6.

⁶ Там же. — С.12.

⁷ Там же. — С.14.

⁸ Там же. — С.15.

⁹ Там же. — С.14.

¹⁰ Там же. — С.15.

¹¹ Там же. — С.15.

взгляд кажется, что и И.Л.Мамаева повествует о том же. Но в её книге нет подобных описаний опустошения, наоборот, писательница изображает, как на обломках советского строя рождается новый миропорядок.

Разворотливый местный житель Генка арендует на ферме помещение под «офис». Почувствовав веяние времени, он открыл фирму и занимался тем, что «начиная с июня скупал у местных все подряд: ягоды, грибы, чагу, лекарственные растения, бересту, картошку»¹². Кажется бы, он обеспечил работой всех местных бичей – алкоголиков. Сельчане называют Генку «буржуем», но если у кого-то возникает бытовая проблема, то обращаются к нему: «Генка ничего, помогал. Свой ведь он все-таки, куйтежский»¹³. Генка «с золотыми зубами»¹⁴, и нанятые им «работники» движимы желанием получить деньги. Предприниматель вскоре сменил старого «жигуленка» на новую «Ниву». А местные жители смогли продолжать разгульную жизнь. Ради этой цели «бичи – алкоголики выбирали все начисто: еще рохлые ягоды, грибы драли с грибницею»; «километров на пять в округе не стало ни грибов, ни ягод»¹⁵. Стремление к накопительству, по мнению писательницы, не может быть целью жизни человека, у подобного отношения к миру нет будущего. Вероятно, поэтому, спустя какое-то время Генка, забросив «офис», пьёт в компании своих «работников». Отношение к собственной жизни этих персонажей становится антитезой к принципам большинства героев.

Подобно В.Г.Распутину, создавшему в повести «Прощание с Матерой» своеобразный мир русской деревни 1970-х годов, И.Л.Мамаева творит мир современной деревни, подчеркивая строительную и воспитательную силу православных традиций. Выражением авторского видения становится евангельский мотив любви и всепрощения. Чувство любви к родной земле в той или иной степени испытывают все персонажи. Дружные, трудолюбивые родители главной героини работают в поле с утра до вечера, редко бывая дома. Агроном Ирка Румзина, все свое время отдающая работе, переживает из-за стремления местного начальства получить бесплатную агротехнику: «...у нас земля сама знаешь какая: чуть копни – один исподник – камни. Неудобья, то косогоры, то перелески, то ямы, то канавы. Где у нас этим нарядным финским машинкам пройти?»¹⁶. С восторгом говорит Румзина о малой родине: «А ведь земля – это такое богатство,

да? Выйдешь утром в поле, солнце кругом, ширь такая, что дух захватывает, и как будто летишь...»¹⁷. Сильная, крепкая, энергичная доярка Танька трудится с душой, поддерживая рабочий ритм песней: «Работать надо с радостью!», «Работа любит веселых!»¹⁸.

Описывая жизнь жителей Куйтежей, И.Л.Мамаева повествует о двух сёстрах – Лариске и Маньке. Кичившаяся своей праведной жизнью Лариска однажды осознаёт, что жила неправильно: «В бога не веровала, и как ни крути, а все для себя делала. И детей, горт, для себя растила, и скотину для себя выхаживала. И даже мужика ... не заводила, чтобы перед другими нос высоко держать»¹⁹. На совет бабы Лены помолиться вечером и попросить «прощения за все вольные и невольные прегрешения», она нетерпеливо отвечает: «Жизнь прошла, а вспомнить и нечего! Терпишь все, терпишь, а ради чего?»²⁰. После этого разговора трудолюбивая Лариска уподобляется запойной сестре Маньке, живущей сообразно со своим желанием выпить. В течение нескольких недель весёлая компания местных алкоголиков гуляла на деньги Лариски, оглашая село несложной песней «Упала лопата». Пьянство сестёр прекращается неожиданно: обе увидели Бога. Бежавшая под дождём, в свете сверкающих молний Лариска трепетала от страха, так как слышала за спиной шаги. Оглянувшись, она видит Бога: « Шагает за мной потихоньку. Одну руку к сердцу прижал, а другую под моей головою держит. И до того мне хорошо и спокойно стало... закрывал меня... Не только от дождя, от всех невзгод закрывал... Теперь я знаю, как жить надо... Мне ведь столько дел теперь сделать надо. На работу завтра выйду. Загуляла я, да?»²¹. Попавшая после этой встречи в больницу Манька, возвратившись домой, «пить бросила. Как отрезало»²². Этот повествовательный эпизод утверждает прозрачность границ между земным и небесным и обращает к евангельской цитате: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришёл призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мк. 2, 17).

Повесть И.Л.Мамаевой еще раз презентует архетичность Пасхи в сознании русского народа. Беспобудное пьянство сестер Лариски и Маньки, вырвавшее их из реальной жизни, можно констатировать как духовную смерть, а в перспективе – и как физическую. Эпизод с явившимся им Спасителем обращает к сюжету иконы

¹² Мамаева И.Л. Земля Гай. – М.: 2006. – С.13.

¹³ Там же. – С.13.

¹⁴ Там же. – С.12.

¹⁵ Там же. – С.13.

¹⁶ Там же. – С.66.

¹⁷ Там же. – С. 66.

¹⁸ Там же. – С.11,12.

¹⁹ Там же. – С.128 – 129.

²⁰ Там же. – С.131.

²¹ Там же. – С.150 – 151.

²² Мамаева И.Л. Земля Гай... – С.151.

конца XVI века «Воскресение Христово с клеймами земной жизни Христа». В центре ее изображен Господь в окружении ангелов. Он простирает руки к Адаму и Еве, этот жест символизирует избавление прародителей из Ада²³. В модели созданного И.Л.Мамаевой нового мироуклада, обнаруживается картина жизни всей России в 1990-е годы: безудержное стремление к обогащению одних и честное отношение к своему делу других. Развитие сюжета открывает бесперспективность потребительского отношения к богатствам родной земли. Писательница видит будущее Куйтежей и России в целом в сохранении рачительного отношения к природным ресурсам, в соблюдении евангельских заповедей, в христианском миролюбии и всепрощении. И.Л.Мамаева отстаивает не бездумное внедрение чужого опыта, вводя эпизод – метафору с финской агротехникой, а предлагает – на примере жизни своих персонажей – вспомнить и возродить собственный опыт сельской жизни, основанный на традициях православия. Куйтежи, несмотря на разрушение социалистического социума, не обезлюдели. Работают ферма, магазин, клуб, библиотека, школа, засеваются поля. Создаются новые семьи, рождаются дети, юное поколение сменяет постаревших родителей на их рабочих местах: Юрка идет в конюхи вместо отца. Молодые герои работают с азартом, с любовью относятся к животным, они открыты миру: с желанием воспринимают новое и возвращаются к семейным традициям старого уклада жизни.

Хранительницей традиций является бабушка Лена. Церковь давно превратили в клуб, но она бережет нравственную систему ценностей, которая была вложена в человека Богом. Для односельчан героиня – третейский судья, советчик в разных житейских вопросах. Разуверившейся в справедливом устройстве мира родственнице бабушка Лена советует: «Пошла бы ты, Лариса, на росстань да там бы перед всеми прощения попросила, может, оно бы и наладилось еще все»²⁴. От соседней стало известно, что совет был услышан и выполнен. Бабушка терпеливо ухаживает за капризничавшей от одиночества младшей сестрой. Любя свою единственную внучку, она не потакает слабостям девушки: «баба Лена отмахнулась: мол, сколько можно в кровати нежиться? – и убежала к Насте: сестра в очередной раз собралась помирать. И это ей показалось гораздо важнее Ленкиных страданий: кто в молодости не влюблялся? – пройдет»²⁵. На примере своей героини И.Л.Мамаева пока-

зывает, как прежде религиозные формы вращались в быт, сообщая ему приподнятый и благолепный лад. Сочувствуя первой влюбленности внучки, бабушка Лена предлагает: «Поплачь, милая, поплачь! Завтра воскресенье – пойдем на кладбище к прабабушке с прадедушкой, попросишь у них совета, что делать, скажешь: Натальюшка, Ефимушка, подскажите уж вы мне, как быть»²⁶. В этом эпизоде присутствует открытое проявление пасхального архетипа: понимание вечности жизни «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк. 20, 38). Известно, что столетия назад в Олонецкой губернии поселяне при посещении кладбища «сметают с могилы сор, стелют на неё платок и потом рассказывают вслух покойникам, что случилось после их смерти»²⁷.

Главный мотив повести И.Л.Мамаевой «Ленкина свадьба» более всего связан с центральным персонажем. Названная в честь бабушки, воспитанная в любящей семье, Ленка стремится одарить своей заботой каждого: «... а мне иногда кажется, что я за этим и родилась – чтобы всех любить и жалеть»²⁸. Не красотой и не умом выделяется героиня среди молодежи села. Ленку считают «блаженной», так как девушка наделена чувством любви к людям, к миру. Речь и поступки персонажа обнажают православную основу её душевной жизни. «Но какой православный серьезный христианин сегодня немного не «тронутый»? Мы не соответствуем обычаям мира сего»²⁹. Даже в минуту сильной обиды она признаётся бабушке: «Я так тебя люблю, так люблю. И маму с папой люблю. И Юрку люблю... и всех вообще...»³⁰.

Структура повести представляет собой художественно организованное паломничество к Пасхе. До начала Успенского поста текст существует по законам линейного времени. Безответная любовь Ленки переводит повествование в православную темпоральность (*tempus* – лат. «время»): «Лежала, не вставая, четыре дня – четыре своих выходных. Прошло заговенье на Евдокима, Медовый Спас, начался Успенский пост»³¹. События кульминационного эпизода происходят в день Успения Пресвятой Богородицы. Праздник называется Успением («засыпанием») потому, что Богородица как бы уснула. А через три дня она была воскрешена Иисусом Христом и вознесена на небо³². Писательница

²⁶ Там же. – С.55.

²⁷ Терещенко А.В. История культуры русского народа. – М.: 2007. – С.370.

²⁸ Мамаева И.Л. Земля Гай... – С.70.

²⁹ Роуз, отец Серафим. Приношение православного американца. Российское отделение Валаамского Общества Америки. – М.: 2003. – С.22.

³⁰ Мамаева И.Л. Земля Гай... – С.55.

³¹ Там же. – С.111.

²³ Православные праздники. – Минск; Тула: 2006. – С.35.

²⁴ Мамаева И. Л. Земля Гай... – С.37.

²⁵ Там же. – С.112.

ца не случайно выбирает эту дату: «В конце августа, на Успение, неожиданно выдались летние погожие денечки. Жары не было, комаров и оводов поубавилось. Живи, радуйся. Молодежь собралась на пикник — надо же разговеться»³³. Среди молодых односельчан героиня оказывается одна: «Все дружной толпой обогнали Ленку. Толпой, в которой Ленке не было места»³⁴. Любовь героини становится синонимом жертвенности. В минуту смертельной опасности для любимого только «блаженная» бросается наперерез быку и отвлекает его внимание. Красавица Митькина, Юркины приятели спасаются бегством, думая прежде всего о себе. Когда Ленку везут в больницу, она в бредовом состоянии высказывает свою мечту:

— Мама, мама! Правда, у меня на свадьбу платье будет белое? Длинное такое, широкое, как в кино. И плечи голые. И перчатки выше локтя. Белье!

— Будет-будет, — говорила фельдшер, клала ей руку на лоб и держала голову...³⁵.

Повесть И.Л.Мамаевой заканчивается эпилогом. Оценивая внешнее содержание, можно предположить, что он — продолжение описания предсмертного состояния героини, когда она от мечты о белом платье переходит к картинам собственной свадьбы. Но управляющий развитием сюжета пасхальный архетип требует сцены воскресения. Эпилог становится таким эпизодом. Ленкина свадьба состоялась в «поэтическом космосе произведения»³⁶. Художественную реальность создают яркие, подробные описания: «Муста, начищенная, сытая, с цветными лента-

ми»; «упряжь нарядная, старинная, все бляшки начищены. Дуга лентами убрана и цветами». Торжественность и автентичность (греч. *authentikos* — верный, соответствующий подлинному) происходящего подчеркивается использованием глаголов настоящего времени: «Муста высоко поднимает ноги, красиво рысит, старается»³⁷. Динамика заключительного эпизода, усиливающаяся аллитерацией звонких звуков [ж], [з], [д], [р], дополнительно придает эпилогу подлинность происходящего, а не только возможного события, визуальный код переводится в звуковой: «На телеге, **даже** сена не подложив, лихо стоит Юрка. **Держит вожжи**, свистит заливхатски — посылает кобылу. Только **гужи** скрипят, **да** телега на камушках **подрагивает**... К Юрке, **прижавшись**, чтобы не упасть, стоит Ленка. И **тоже** бесстрашно балансирует на **грохочущей** шаткой телеге»³⁸.

Рассмотренные художественные произведения обнаруживают флуктуацию пасхального архетипа. В рассказе «Фетисыч» Б.П.Екимова исследуемая универсалия присутствует имплицитно, а в повести И.Л.Мамаевой «Ленкина свадьба» он управляет сюжетом.

³² Православные праздники.... — С.106.

³³ Мамаева И.Л. Земля Гай.... — С.152.

³⁴ Там же. — С.156.

³⁵ Там же. — С.159.

³⁶ Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности.... — С.56.

³⁷ Мамаева И.Л. Земля Гай.... — С.159.

³⁸ Там же. — С.159.

EASTER ARCHETYPE IN MODERN RUSSIAN VILLAGE PROSE

© 2011 T.N.Kozina¹, N.G.Urchenkova²

¹Penza State Pedagogical University named after V.G.Belinskiy

² Middle Volga branch of RPA of the Ministry of Justice of Russia

The article deals with the archetype of Easter in modern village life prose. The analysis of texts shows that despite difficulties, there is still life in the Russian remote places. It is spiritualized by centuries-old history and culture of the Russian people.

Key words: Easter archetype, prose, Russian village.

^o Tatiana Nikolaevna Kozina, Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of Russian language and teaching methodology. E-mail: T.N.Coзина@yandex.ru
Nina Georgievna Urchenkova, Doctor of Philosophy, Head of the department of the humanities and socio-economic disciplines. E-mail: nina-saransk@mail.ru